

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА

УДК 303.022+323.2
10.17213/2075-2067-2021-4-206-213

ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ГЕНЕЗИСА И РАСПАДА

© 2021 г. Л. Л. Штофер*, О. М. Шевченко**

**Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Цель исследования заключается в выявлении социокультурных детерминант генезиса и распада политических мифов.

Методологической основой исследования являются конструктивистский, инструменталистский и социокультурный подходы в понимании специфики политического мифотворчества.

Результаты исследования. Политический миф представляет собой инструмент легитимации политической власти и сакрализации образа политических деятелей. Формирование в обществе того или иного политического мифа обусловлено как политическими интересами, так и культурно-цивилизационными особенностями общества. Типологически политические мифы могут быть сгруппированы по содержательному критерию, времени возникновения и продолжительности существования, степени устойчивости к внешним воздействиям, а также связи с первоосновой — архаическим мифом.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования социокультурной природы политического мифа, факторов его генезиса и распада.

Ключевые слова: политический миф; типология политических мифов; архаический миф; религиозный политический миф; советский политический миф; американский политический миф.

TYOLOGY OF POLITICAL MYTHS: SOCIOCULTURAL DETERMINANTS OF GENESIS AND DECAY

© 2021 L. L. Shtofer*, O. M. Shevchenko**

**Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

***Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

The aim of the study is to identify the socio-cultural determinants of the genesis and disintegration of political myths. The methodological basis of the research is constructivist, instrumentalist and sociocultural approaches in understanding the specifics of political myth-making.

Research results. The political myth is a tool for legitimizing political power and sacralizing the image of politicians. The formation of a particular political myth in society is due to both

political interests and cultural and civilizational characteristics of society. Typologically, political myths can be grouped according to a substantive criterion, time of origin and duration of existence, degree of resistance to external influences, as well as connection with the fundamental principle — the archaic myth.

Research prospects. *The work opens up prospects for further research of the socio-cultural nature of the political myth.*

Key words: *political myth; typology of political myths; archaic myth; religious political myth; Soviet political myth; American political myth.*

Введение. Принято считать, что политический миф — это исключительно современное явление, характерное для общественного развития, начиная с Нового времени. Эпоха модерна, знаменующая разрушение сословного и становление массового общества, создала широкую социальную базу для циркулирования и воспроизводства политических мифов, а информационная эпоха открыла безграничные технико-технологические возможности их распространения в глобальном масштабе. Не отрицая роли Нового и Новейшего времени в создании и распространении политических мифов, хотелось бы отметить, что политические мифы возникают намного раньше, с момента становления политических институтов, и проходят через всю историю человечества.

Политические мифы имеют как социокультурные особенности, так и родовые черты, присущие мифу как таковому. Типологически они могут быть сгруппированы по содержательному критерию, времени возникновения и продолжительности существования, степени устойчивости к внешним воздействиям, а также связи с первоосновой — архаическим мифом.

Персонифицированные политические мифы. Из субстрата архаического мифа прорастает мифологизация образа правителя, воплощающего в себе политическую власть. Образ правителя интегрируется в ту часть архаического мифа, которая связана с космогонией и теогонией. Позиционирование правителя как божественной/полубожественной сущности в равной мере характерно как для Древнего Востока (египетские фараоны, китайские императоры), так и для Древнего Запада (Александр Македонский, римские

императоры). Таким образом, живой человек (правитель) в силу своего политического статуса и выполняемых функций оказывается интегрирован в мифологический Космос. Значительно более поздней версией становится мифологизация образов носителей высшей политической власти в тоталитарных системах, также не зависящая от цивилизационной принадлежности: на Западе — Гитлер, в России — Сталин, на Востоке — Мао Цзэдун.

Вместе с тем интегрирование правителя в мифологический Космос было по-настоящему органично только в тот период развития общества, когда мифологическая картина мира была единственной. Вопрос о жизни правителя и его возможности полноценно выполнять свои функции был поставлен в прямую зависимость от его физического состояния, в т.ч. неизбежного дряхления. Решение вопроса зависело от уровня развития общества: в архаических — при первых признаках старения правителя уничтожали физически и заменяли новым; в древних государствах физическое уничтожение заменяли ритуальными действиями, долженствующими продемонстрировать восстановление его физических сил; в более поздний период ставка начала делаться на научные методы, связанные с развитием медицины.

Подобные действия были обусловлены глубоко архаичными мифологическими представлениями о единстве социального и природного миров, неизбежности разрушения порядка мироздания в связи со старением и гибелью правителя и опасности, которая грозила в этом случае социальной группе. Отсюда и возможность безболезненной для сознания общности замены одной функциональной единицы другой.

В более поздний период времени в случае смерти мифологизированного политического деятеля (в отсутствии легитимного преемника) разрушение мифологического Космоса оказывалось неизбежным, поскольку его центром выступала конкретная личность.

Если на начальном этапе правитель вписывался в уже существующий миропорядок, занимал в нем определенное место в силу выполняемых функций (при этом личностная составляющая отсутствовала), то впоследствии мифологический Космос начинал выстраиваться вокруг личности персонифицированного носителя власти, подвергшейся мифологизации. Как показало время, более опасной в плане социальных последствий оказалась вторая версия [3].

Чаще всего политический миф разрушался под воздействием реальных событий, связанных с социально-политической жизнью, однако его устойчивость во многом определялась не столько событийным рядом, сколько культурно-цивилизационными особенностями общности, прежде всего её ментальностью, включая роль рационального начала, а также особенностями сложившейся политической культуры.

Миф о Наполеоне как непобедимом полководце, несущем миру завоевания Великой французской революции, разрушила неудачная военная кампания в России, а окончательно довершила попытка взять реванш, закончившаяся для императора пожизненной ссылкой.

Миф о Гитлере как вожде нации разрушило поражение Германии во Второй мировой войне, повлекшее раздел государства и страдания немецкого народа, связанные с материальными (экономическая разруха) и духовными (национальное унижение) факторами.

Миф о Сталине как об отце народов пошатнулся в результате внутривластной борьбы, доклада Н. С. Хрущева на XX съезде партии, а также обнародования архивных документов о злодеяниях власти против собственного народа. Расколов общество, он сохранил свое влияние на периферии общественного сознания. Причина — устойчивость «отеческой» составляющей в российских политических мифах, связанных с персонифицированными носителями верховной власти [7].

Миф о Мао Цзэдуне как о великом кормчём устоял. Объективно реформы Ден Сяопина, радикально изменившие вектор экономического развития страны, должны были разрушить миф о Мао, дискредитировать его личность и деяния. Однако этого не произошло, и образ Мао занял свое место в пантеоне великих государственных мужей Китая. В мифе оказались неразрывно связаны образы Мао Цзэдуна и этапа в развитии Китайского государства, сопряженного с борьбой за независимость, преодолением средневекового наследия и демократическими преобразованиями.

Наряду с конформизмом, присущим восточной ментальности, жизнеспособность восточных политических мифов, связанных с мифологизацией образа политического деятеля, также поддерживается иерархическим типом отношений в обществе (выраженная половозрастная дифференциация и статусные отличия), жесткой социальной дисциплиной и авторитарным характером власти, подтверждением чего служат современные мифы о «любимых руководителях» в КНР.

Политические мифы о цивилизационном превосходстве. Политические мифы о цивилизующей миссии передовых государств в отношении отсталых стран и народов складываются в эпоху становления государственных образований и появления цивилизационных отличий.

Впервые идея о политико-культурном превосходстве была артикулирована греками, заложившими основу данного политического мифа: греки позиционировали себя как народ, превосходящий все остальные народы, объявляя последних варварами. Мифичность этого утверждения очевидна, поскольку эллинская культура заимствовала (творчески переработав) достижения более древних восточных культур.

Политический миф, созданный Александром Македонским, об интеграции греко-македонского мира, прежде всего его культуры, и классического востока (от Персии до Индии) по умолчанию предполагал расширение границ свободного мира и влияния его культуры посредством военных действий. В результате создавались государственные образования, в которых Восток эллинизировался.

Миф, созданный Александром, по сравнению с мифом архаическим, демонстрировал содержательную «пластичность», включал элемент политической целесообразности: когда этого потребовали обстоятельства (для повышения авторитета греко-македонской власти на завоеванных территориях), Александр объявил себя живым богом, что было неприемлемо для греческой ментальности, но отвечало восточной.

Последующими политическими мифами, развивающимися в парадигме мифа Александра, стали мифы о цивилизующей миссии, носящие патерналистский характер. Все они оказались связаны с образованием империй в результате военных завоеваний. Квинтэссенцией стала идея о бесспорном превосходстве имперского «ядра» над подконтрольными территориями: в Римской империи — провинциями, в империи Наполеона — государствами, находящимися под протекторатом Франции, в Британской империи — колониями, в Российской империи — губерниями, представляющими национальные окраины.

В отличие от империи Александра Македонского, которая быстро распалась после его смерти, более поздние имперские образования оказались прочнее, поскольку во главу угла ставили свою политическую систему и формирующуюся на ее основе политическую культуру. Они продолжили развивать идеи Александра о возможности соединения принципиально разных культур, языков, религиозных верований, а следовательно, типов ментальности в рамках одного государства, но при безусловном доминировании политико-культурных особенностей имперского «ядра».

Миф о превосходстве «метрополии» над подконтрольными территориями оказался разрушен в результате освободительных движений, борьбы народов против имперской системы за национально-государственный суверенитет. Однако в общественном сознании имперского «центра» долго циркулировал миф о «бремени белого человека» или «особой миссии» того или иного этноса.

Религиозный политический миф. В эпоху средневековья политический миф приобретает новые черты, связанные с усилением роли религии как политического ин-

струмента в жизни общества. На Западе это политический миф о Вселенской христианской церкви как основе духовно-политического единства Европы, на Востоке — политический миф об Исламском халифате.

Формированию религиозного политического мифа на Западе способствовала исключительность положения католической церкви в условиях распада римской имперской политической системы, откровенной слабости светской политической власти и низкого культурного уровня светских властителей. Данный политический миф выстраивался вокруг официального статуса римского понтифика как наместника Бога на Земле и поддельного Константинова дара. Политический миф легитимировал надгосударственную власть высших духовных иерархов, их право определять вектор европейского политического процесса, коронуя и низвергая светских правителей [6].

Угасание на Западе религиозного политического мифа связано с постепенным усилением светской политической власти в конце Средневековья и в эпоху Возрождения. Окончательно подорвало основы данного мифа реформационное движение, которое привело, во-первых, к резкому ограничению территориального влияния католической церкви, во-вторых, к созданию национальных церквей, позволивших сосредоточить всю полноту и светской, и духовной власти в руках европейских монархов. Сам институт церкви значительно ослабел и не мог играть прежнюю политическую роль, подтверждением чего стало изменение вектора политической жизни.

Самым значительным событием в средневековую эпоху стали Крестовые походы на Восток против неверных, инициируемые католической церковью. Вектор политической жизни был направлен преимущественно вовне, западный мир позиционировал себя как христианскую цивилизацию, обладающую духовно-политическим единством, а основная идея заключалась в распространении влияния и могущества католической церкви за пределы Европы.

С ослаблением роли религиозного фактора в политической жизни изменился с преимущественно внешнего на внутренний. Национально-госу-

дарственные образования начали преследовать собственные интересы, результатом чего стали межгосударственные военные конфликты, прежде всего Тридцатилетняя война. На этом фоне церковь начинает заниматься более адекватной для нее деятельностью (пасторской, миссионерской), которая становится частью государственной политики.

Уникальные черты религиозный политический миф приобретает на арабо-мусульманском Востоке. Его основой становится идея создания Исламского халифата — теократического политического образования, способного к неограниченному расширению. У истоков создания мифа стоит пророк Мухаммед и его религиозно-политическая деятельность.

Идея, заложенная в мифе, не была реализована, во-первых, по причине дезинтеграции в самом Исламе (сунниты и шииты), во-вторых, в связи с появлением крупных политических имперских образований, прежде всего Османской империи, в которой приоритетной была светская политическая власть. Несмотря на принадлежность в духовном отношении к исламской цивилизации, сам характер имперского образования предполагал не только полиэтничность, но и поликонфессиональность. Последнее требовало определенного уровня религиозной толерантности, невозможной в теократии.

В отличие от Запада, где угасание религиозного чувства, секуляризационные тенденции, начиная с Нового времени, носили последовательный характер, превратив религию в формальное явление, арабо-мусульманский Восток демонстрировал консервативную приверженность исламу, связанную с мировоззрением и образом жизни. Ситуацию изменила исламская революция в Иране, показавшая роль религии как политического фактора, её мобилизационный потенциал. Перманентная война в Афганистане, палестинско-израильский конфликт, война в Югославии, Чеченская война, Иракский конфликт и др. события, затрагивающие ислам в качестве культурно-цивилизационного идентификатора одной из противостоящих сторон, придали политическому мифу об Исламском халифате новый импульс.

Общественно-политическая ситуация последних десятилетий способствовала воз-

никновению радикальных повстанческих движений (Талибан), одиозной деятельности Усамы бен Ладена, поддерживавшего фундаменталистские идеи и финансировавшего международный терроризм, а в последнее время — активизации запрещенной в РФ экстремистской группировки ИГИЛ.

Политический миф об Исламском халифате имеет ограниченную социальную базу, связанную с конфессиональной принадлежностью носителей и степенью радикальности её приверженцев, но при этом обладает жизнеспособностью, противостоя западному либерально-демократическому политическому мифу.

Светские политические мифы. Наиболее поздним по времени возникновения стал политический миф о государстве как устроителе всеобщего мирового порядка. По мнению американского исследователя Д. Гранта, современное государство является «мифологическим объектом, который создан и поддерживается для удовлетворения наших самых глубоких инстинктов, страха и желания благоприятных условий существования. Оно не продукт ума как такового, а следствие ума, обслуживающего миф» [8, с. 3]. Классическими примерами эффективного мифотворчества являются советский и американский политические мифы.

В основе советского политического мифа лежала мессианская идея, представляющая атеистическую коммунистическую версию христианского мифа о Рае с акцентуацией возможности его построения в обозримом будущем на Земле, мечтой о раскрепощенном творческом труде и реальном равенстве [5].

В мифе СССР позиционировался как самое передовое государство в мире, которое задает вектор развития всего прогрессивного человечества. За время своего существования данный политический миф столкнулся с социально-политическими реалиями в форме ожесточенной классовой борьбы в годы гражданской войны, протестными выступлениями в странах соцлагеря, диссидентским движением внутри страны, и, наконец, с распадом Советского союза [1]. Постепенное ослабление веры в коммунистический миф актуализировало конструирование политических мифов, имевших национальную по-

доплеку. Стремление подконтрольных центру национальных политических элит обрести государственную самостоятельность привело к созданию и быстрому распространению в общественном сознании этно-национальных политических мифов.

Политические мифы об угнетении культурной и языковой самобытности общности титульным этносом способствовали ослаблению центральной власти в не меньшей степени, чем неэффективность советской планово-директивной экономики.

Советский политический миф, ядром которого была надгосударственная, наднациональная, атеистическая, имевшая классовую природу идеология, объективно прекратил свое существование. Современная Россия культивирует (с определенными поправками) российский имперский миф, распространение которого ограничено территорией государства.

Американский политический миф вырастает из идеи Нового времени о государстве как «ночном стороже», которая трансформируется в политический миф об Америке как «международном полицейском» [4]. Так идея поддержания законности на территории определенного государства превращается в идею отстаивания либерально-демократических прав и свобод как таковых.

В рамках мифа Америка позиционируется как оплот демократии, гражданских прав и свобод, готовая поддерживать эти идеи в любом уголке Земного шара, где они начинают возникать, либо там, где либерально-демократическим устоям, по мнению США, что-либо угрожает [2].

Распространение данного мифа обусловлено изменением статуса США после Второй мировой войны, крушением колониальной системы и возникновением дуополярного мира. Значимую роль играет политико-экономическая мощь самого государства, а также его привлекательный имидж, формируемый глобальными СМИ и массовой культурой.

В настоящее время можно наблюдать практически беспрепятственное распространение данного мифа в глобальном масштабе. На поле современной политической мифологии американскому политическому мифу противостоят традиционалистские, а следовательно, ограниченные в содержа-

тельном отношении политические мифы — осовремененный российский имперский политический миф, политический миф об Исламском халифате, Китайский политический миф, построенный на симбиозе исторически сложившейся национальной политической культуры и экономических инноваций. Сила Американского либерально-демократического политического мифа состоит в его надэтничности и надконфессиональности, что в условиях глобализации экономики и информационной сферы делает его максимально универсальным, привлекая новых адептов.

Заключение. Основой типологии политического мифа выступает его содержательная часть, историческое время возникновения, апелляция его к определенным символическим образам или сюжетам, посредством которых осуществляется сакрализация образа политического деятеля и легитимация определенного политического порядка. Знаково-символические формы, посредством которых конструируется политический миф, детерминированы социокультурным контекстом, задающим мировоззренческие принципы в конструировании политической реальности. Таким образом, формирование в обществе того или иного политического мифа обусловлено как политическими интересами, так и культурно-цивилизационными особенностями общества, его культурными архетипами и историческими символами.

Литература

1. Белов С.И. Советский политический миф: причины гибели, содержательное и символическое наследие // Государственное управление. Электронный вестник. — 2017. — №65. — С. 45–56.
2. Гарбузов В.Н. Свет и тени американской исключительности // США и Канада: Экономика, политика, культура. — 2020. — Т. 50. — №11. — С. 5–21.
3. Кольев А. Миф масс и магия вождей. — М.: Национальный институт развития, 2000. — 432 с.
4. Красильникова Н.А., Кырчикова Д.А. Роль мифа в формировании американского национального сознания // Лингвокультурология. — 2013. — №7. — С. 97–103.

5. Павлов Д. Н. Мифологизация как инструмент политической пропаганды // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. — 2015. — №1. — С. 106–118.

6. Рязанова С. В. Роль религии в формировании политического мифа // Ценности и смыслы. — 2013. — №2 (24). — С. 14–22.

7. Стрельник О. Н. Мифологические корни политической идеологии // Вестник РУДН. Сер. Философия. — 2014. — №4. — С. 18–29.

8. Grant D. The mythological state and its empire. — New York: Routledge, 2009. — 293 p.

References

1. Belov S. I. Sovetskij političeskij mif: prichiny gibeli, sodержatel'noe i simboličeskoe nasledie [The Soviet political myth: the causes of death, meaningful and symbolic heritage] // Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik [State Administration. Electronic bulletin]. — 2017. — №65. — Pp. 45–56.

2. Garbuzov V. N. Svet i teni amerikanskoy isključitel'nosti [The light and shadows of American exclusivity] // SShA i Kanada: Jekonomika, politika, kul'tura [USA and Canada: Economics, Politics, culture]. — 2020. — Vol. 50. — №11. — Pp. 5–21.

3. Kol'ev A. Mif mass i magija vozhděj [The myth of the masses and the magic of the leaders]. — Moscow: Nacional'nyj institut razvitija, 2000. — 432 p.

4. Krasil'nikova N. A., Kyrchikova D. A. Rol' mifa v formirovanii amerikanskogo nacional'nogo soznanija [The role of myth in the formation of American national consciousness] // Lingvokul'turologija [Linguoculturology]. — 2013. — №7. — Pp. 97–103.

5. Pavlov D. N. Mifologizacija kak instrument političeskoj propagandy [Mythologization as a tool of political propaganda] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow University. Ser. 12. Political Sciences]. — 2015. — №1. — Pp. 106–118.

6. Rjazanova S. V. Rol' religii v formirovanii političeskogo mifa [The role of religion in the formation of a political myth] // Cennosti i smysly [Values and meanings]. — 2013. — №2 (24). — Pp. 14–22.

7. Strel'nik O. N. Mifologičeskie korni političeskoj ideologii [Mythological roots of political ideology] // Vestnik RUDN. Ser. Filosofija. — 2014. — №4. — Pp. 18–29.

8. Grant D. The mythological state and its empire. — New York: Routledge, 2009. — 293 p.

Поступила в редакцию

18 июня 2021 г.

Штофер Людмила Львовна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Специалист в области исследования геополитических процессов, военной, экономической и информационной безопасности, духовного отчуждения, экологической культуры. Стаж научной работы — 23 года.

Shtofer Lyudmila Lvovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Culturology, Rostov State Economic University (RINH). Specialist in the field of research of geopolitical processes, military and information security, spiritual alienation, ecological culture. Scientific work experience is 23 years.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 Bolshaya Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: Filosofiya327@yandex.ru

Шевченко Ольга Михайловна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения Южного федерального университета. Специалист в области исследования этнополитических процессов, межэтнических отношений, национальной и духовной безопасности общества, культуры гражданственности. Стаж научной работы — 25 лет.

Shevchenko Olga Mikhaylovna — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. A specialist in the field of research on ethnopolitical processes, interethnic relations, national and spiritual security of society, civil practices. Scientific work experience is 25 years.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: olgashv2007@yandex.ru